

УДК 303.022+323.2

10.17213/2075-2067-2020-5-275-283

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ: СПЕЦИФИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© 2020 г. О. М. Шевченко*, Л. Л. Штофер**

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия

Цель исследования заключается в выявлении социокультурной специфики политического мифа и его роли в конструировании социальной реальности.

Методологической основой исследования выступает конструктивистский подход в понимании природы политического мифотворчества.

Результаты исследования. Политический миф как способ конструирования социально-политической реальности обладает значительным манипулятивным потенциалом мобилизации масс на основе архаизации общественного сознания. Информационные возможности современного общества используются для мифологизации образов политических деятелей, а также для формирования коллективных представлений о политической системе общества. Манипулятивный потенциал политических мифов активно применяется в современных информационных войнах.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования политического мифа, механизмов его конструирования, возможностей манипулирования общественным сознанием с целью формирования определенных моделей социально-политического поведения.

Ключевые слова: политический миф; архаический миф; политическая технология; манипулятивный потенциал; мифологизация личности.

SOCIO-CULTURAL SPECIFICITY OF A POLITICAL MYTH: MANIPULATIVE POTENTIAL IN THE CONSTRUCTION OF SOCIAL AND POLITICAL REALITY

© 2020 O. M. Shevchenko*, L. L. Shtofer**

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

**Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to identify the socio-cultural specifics of the political myth and its role in the construction of social reality.

The methodological basis of the research is the constructivist approach in understanding the nature of political myth-making.

Research results. The political myth as a way of constructing socio-political reality has a significant manipulative potential. The informational possibilities of modern society are used to mythologize the image of a particular political figure, as well as to form collective ideas about the political system of society. The manipulative potential of political myths is actively used in modern information wars.

Research prospects. *The work opens up prospects for further research of the political myth of the mechanisms of its construction of the possibilities of manipulating public consciousness in order to form certain models of socio-political behavior.*

Key words: *political myth; archaic myth; political technology; manipulative potential; mythologization of personality.*

Введение. Мифологизация действительности и ее «продукт» — политический миф — в последнее время приобретает особую актуальность. Основными причинами выступают как углубляющийся кризис рационального понимания действительности, так и усиливающаяся противоречивость социальной жизни. Как показало время, торжество рационального мировоззрения оказалось в достаточной мере иллюзорным, результатом чего стало обращение к более ранним мировоззренческим системам и, прежде всего, к мифу. Сталкиваясь с неразрешимыми проблемами бытия, сознание современного человека начинает тяготеть к наиболее архаичным иррациональным формам понимания действительности. В результате именно миф оказывается созвучен сегодняшним умопостроениям и мироощущению.

Теоретико-методологическое основание исследования. Теоретико-методологическое основание исследования феномена политического мифа нашло отражение в трудах Э. Кассирера, К. Леви-Стросса, Ж. Сореля, С. Московичи, П. Бергера и Т. Лукмана, и др. Э. Кассирер полагает, что в период между мировыми войнами западная цивилизация осуществила радикальную ломку сложившегося политического мышления, мифологизировав его. Причиной послужил крах рационального подхода, а в качестве крайней меры власть стала использовать сверхъестественное и мистическое [1].

Поскольку в массовом обществе политика, в основе которой лежат рациональные экономические и социологические теории, по мнению С. Московичи, не эффективна, чужда массам, привлекательность политических идей прямо пропорциональна их мифологичности: политические идеи должны быть предельно упрощены, стать общедоступными, а их содержание — принять образную форму. Политика рационально использует иррацио-

нальную сущность масс посредством приемов внушающего воздействия. Играя на чувствах, они превращают людей в коллективный обезличенный материал [2].

Рассматривая миф как политическую технологию, Э. Кассирер в качестве ее элементов называет трансформацию языка, насыщение речи эмоциями, внедрение ритуалов, изменение ценностной иерархии, использование обещаний и пророчеств и, как следствие, изменение мотивации социальных групп с рациональной на эмоциональную, стихийную и инстинктивную [3].

С точки зрения Р. Барта, сам механизм конструирования мифов построен на упрощении и наполнении древних схем тем или иным актуальным содержанием. Его базой выступает естественный язык, обладающий смысловой неточностью, яркой образностью и эмоциональностью. Процесс конструирования мифа сводится к следующему: первоначальные рациональные смыслы неявным образом подменяются эмоционально насыщенными, в которых рациональное содержание исчезает. В результате главным в мифе становится форма презентации, а не содержание [4].

По мнению С. Московичи, политический миф одновременно существует в двух основных проявлениях: в виде презентации символов, предназначенных прежде всего для широких масс; в качестве деятельности элит, управляющих массовыми коммуникациями и преследующих собственные цели [2].

Актуальность приобрела также проблема осмысления различия архаического и политического мифа. К. Леви-Стросс видит сущность архаического мифа в разработке фундаментальных оппозиций культуры, модель для разрешения противоречий [5], в то время как современный миф, с точки зрения Р. Барта, способен лишь оправдать и замаскировать их, создав иллюзию ясности [4]. Как следствие, архаический миф — это связное повествование, дающее целостную картину мира,

а современный миф дискретен, представляет набор стереотипов массового сознания.

По мнению авторов, сущность политического мифа сводится к следующему. Э. Кассирер видит в нем химеру, рожденную в результате скрещивания традиционных элементов мифа с феноменом техники и государственной власти [1]. Р. Барт определяет политический миф как связующее звено между рациональной идеологической системой и архаической мифологией [4]. Ж. Сорель интерпретирует политический миф как мобилизующее коллективное представление, основой которого выступает совокупность образов, не ограниченных во времени и связанных с построением будущего; скрытое стремление тех или иных социальных групп, связанное с реализацией их мечты [6]. П. Бергер и Т. Лукман определяют политический миф как убеждение, разделяемое большой социальной группой, под воздействием которого происходящие события обретают особый смысл; предельно упрощенную модель действительности, лишенную противоречий, воздействующую на массовое сознание путем внушения, заражения, подражания [7].

Научное осмысление проблемы актуализации политического мифа побуждает ответить на ряд вопросов: как особенности политического мифа связаны с выполняемыми им функциями и преследуемыми целями; кто является субъектом и объектом политического мифа; как в политическом мифе происходит мифологизация персонифицированных носителей власти; каков манипулятивный потенциал политического мифа; что обеспечивает жизнеспособность политического мифа и каково его будущее.

Функции и цели создания архаического и политического мифов. Сам по себе архаический миф не является объектом данного исследования, однако для осмысления специфики политического мифа необходимо выявить как фундаментальные черты их сходства, так и принципиальные отличия.

Начиная с XIX в. в научной литературе архаический миф трактуется как протоформа культуры, в рамках которой отсутствуют дифференцированные формы постижения действительности. Архаический миф целостен, исчерпывающ, непротиворечив, фанта-

тичен, отражает эмоциональное переживание действительности синкретичным архаическим сознанием. Современный политический миф не может претендовать на целостность, поскольку существуют другие формы постижения действительности (религия, философия, наука, искусство), но при этом он, как и архаический миф, сохраняет яркую образность и фантастичность в интерпретации реальности, апеллирует к иррациональным началам личности и общества.

Архаический миф обращен к началу времен, так называемому мифическому времени, в рамках которого происходит становление действительности. Чаще всего он ретроспективен, обращен в идеальное внеисторическое прошлое, достоверное с точки зрения первобытного сознания. Политический миф базируется на определенном образе интерпретированной социально-исторической основе и устремлен, прежде всего, в будущее. В нем обычно присутствуют три пласта времени: прошлое идеализируется, допущенные жертвы оправдываются и сакрализуются; настоящее всегда легитимируется; будущее не детализировано, лишено противоречий, выступает закономерным следствием сакрализованного прошлого и легитимированного настоящего. Посредством оправдания прошлого и настоящего политический миф создает картину будущего, способную детерминировать социальную активность общности.

С временной направленностью архаического и политического мифов связаны их функции. Если архаический миф выполняет три относительно равнозначные функции — объяснительную, нормативную, смыслообразующую, то функции политического мифа значительно уже. В частности, отсутствует нормативный аспект, слабо выражен объяснительный, основной акцент делается на смыслообразующей функции. Общество, сознание которого подверглось воздействию политического мифа, начинает жить перспективами, не просто выходящими за рамки настоящего, в его сознании происходит обесценение и даже отрицание ценности настоящего, нарастают иллюзорные представления об априорной ценности будущего. Доминирование смыслообразующей функции политического мифа нивелирует в сознании общности проблему «цены вопроса» и реа-

листичности осуществления мифологизированного политического проекта.

Архаический миф творится бессознательно и, как следствие, не имеет рационально осознанного целеполагания. Он отражает эмоциональную потребность общности иметь картину мира, позволяющую преодолеть генетический страх и выжить в условиях отсутствия рациональных форм постижения действительности и воздействия на нее. Политические мифы создаются осознанно и преследуют две основные цели: усиление позиций той или иной политической системы посредством ее апологизации и сакрализации; разрушение той или иной политической системы путем ее дискредитации и десакрализации. Подобные цели сложились исторически и носят устойчивый характер [8].

Объекты политического мифа (прошлое и настоящее). Политический миф исторически имел свою целевую аудиторию (сословия, классы, расы, этносы, нации, конфессии), был обращен к конкретным социальным группам, способствуя их консолидации вокруг мифологизированной светской или религиозной политической идеи.

Процессы демократизации ослабили роль сословного и классового факторов, секуляризация нивелировала значение религиозного, а глобализация — расового. В настоящее время сохранилось влияние этнического (этнорелигиозного) и национального факторов, в связи с чем современный политический миф обращен, прежде всего, к этносу или к нации. Вместе с тем ни этнос, ни нация не являются гомогенными образованиями, поэтому социальной базой распространения политического мифа, реальными объектами его воздействия выступают люди с низким уровнем интеллектуального и духовного развития, эмоционально восприимчивые к пропаганде, не склонные брать на себя социальную ответственность и стремящиеся переложить вину на архетипических врагов. Данная социальная группа является не только объектом воздействия политического мифа, но также его ретранслятором и неосознанным сотворцом.

Мифологизация образа политического деятеля. Особое место в политическом мифе занимает мифологизация образа поли-

тического деятеля. Данное явление выступает своеобразной реминисценцией образа культурного героя в архаическом мифе [9]. Так же, как и культурный герой, образ политика, подвергшийся мифологизации, обладает архетипическими чертами мудреца и героя (ипостаси спасителя/победителя), наделяется сверхчеловеческими способностями, позволяющими ему совершать исключительные деяния, позиционируется как персонифицированное выражение этноса или нации.

Мифологизация образа политического деятеля актуальна для тех политических систем, где власть носит либо наследственный характер (монархическая система), либо узурпируется (авторитарная и тоталитарная системы). В демократических системах мифологизация образа политического деятеля крайне затруднена: время пребывания у власти законодательно ограничено, а сама власть носит сменяемый характер; действующая политическая система с независимыми ветвями власти не позволяет политику сосредоточить всю полноту власти в одних руках; гражданское общество через общественные организации контролирует деятельность политика; в общественном сознании деятельность политика носит функционально-ролевой характер.

Традиционно основным способом, посредством которого происходила мифологизация образа того или иного политического деятеля, была массированная пропаганда, однако она не была бы столь эффективной, если не коррелировалась бы с общественными умонастроениями или ментальностью. Так, мифологизация личности А. Гитлера была бы невозможна без поражения Германии в Первой мировой войне и общественных чаяний, связанных с реваншем немецкой нации. Источником мифологизации личности И. Сталина стала российская ментальность, исторически связанная с сакрализацией деспотической политической власти и самоотжествления общности с личностью правителя, а также с циркулирующим в общественном сознании мифе о добром царе и его злокозненном окружении.

Мифологизация персонифицированных носителей власти опасна своими последствиями, поскольку в случае радикальных политических изменений (поражение национального государства в войне, смерть политического

лидера в отсутствие легитимного преемника и т.д.) политическая ситуация способна приобрести характер коллапса: рушится искусственно созданный мифологический космос, центром которого была подвергшаяся мифологизации конкретная личность.

Манипулятивный потенциал политического мифа. Субъекты политического мифотворчества. Одна из основных причин создания политических мифов заключена в их манипулятивном потенциале. Инструментальный характер мифа проявился не сразу, поскольку на начальном этапе миф существовал как способ конструирования реальности и понимания действительности всеми членами общества. Социальная дифференциация, связанная с выделением общественной верхушки, осуществляющей властные полномочия, становится предпосылкой для осознанного и целенаправленного мифотворчества, в содержании которого заинтересована формирующаяся политическая элита.

Манипулятивный потенциал мифа проявляется тогда, когда на смену мифу приходит Логос и получают развитие рациональные формы постижения действительности. Первым и наиболее ярким примером становится идея Платона о необходимости создания политических мифов и их внедрения в сознание граждан для поддержания имеющейся политической системы. Начиная с Платона, процесс целенаправленного мифотворчества и его конечный «продукт» — политический миф — оправдывается политической целесообразностью.

Идеи Платона получили реальное воплощение в социальной практике только в Новое время: во-первых, в этот период на авансцену истории вышли широкие народные массы, которые стали питательной средой для циркулирования политических мифов, детерминирующих их социально-политическое поведение; во-вторых, возникли предпосылки для появления и развития средств массовой информации.

XX век показал, что есть три основных фактора, влияющих на распространение политических мифов: замкнутый характер общества и отсутствие притока извне альтернативной содержанию политического мифа информации; пропаганда, содержанием которой является тот или иной политический

миф; появление новых технологий воздействия на сознание людей, нивелирующих роль рационального начала.

Глобализационный процесс и развитие глобальных информационных систем привели к ослаблению значимости первого фактора при сохранении актуальности двух других. Поскольку закрытых обществ практически не осталось, распространение политических мифов посредством пропаганды в ее классическом линейном понимании значительно ослабло. На смену им пришли политические мифы, более изощренные по форме презентации и способам распространения. Поскольку современное общество — не только массовое, но и информационное, возможности распространения политических мифов расширились, а их манипулятивное воздействие усилилось. Особенно успешно манипулятивный потенциал политических мифов используется в современных средствах информационно-психологического воздействия, получившего название информационных войн [10]. Последние организуются политическим истеблишментом и опираются на современные СМИ.

Если родоначальник идей, связанных с манипулятивным потенциалом политического мифа, Платон полагал, что выгодные для политической элиты идеи прорастут в сознании масс не ранее второго поколения, то причина этого заключалась в отсутствии эффективных средств их распространения и внедрения. Современная эпоха не только интенсифицировала этот процесс, но и продемонстрировала тотальность влияния мифологизированной информации, в том числе и политического характера, на сознание человека.

Несмотря на то, что политический миф обладает мощным манипулятивным потенциалом, сила его воздействия не одинакова в различных цивилизационных системах. Объективно она ниже там, где исторически ценилось настоящее и была значима личность. Цивилизационные системы, где настоящее исторически никакой ценностью не обладало, значимость человеческой личности была ничтожна, в первую очередь становятся питательной средой для манипулирования сознанием с помощью политических мифов. Вместе с тем факты свидетельствуют о том, что манипулятивный потенциал политичес-

кого мифа способен активно себя проявить в любых цивилизациях при определенных условиях: настоящее временно утрачивает свою ценность и общество впадает в состояние затяжной депрессии (Германия после Первой мировой войны); власть хочет отвлечь внимание населения от насущных проблем и переключить его на внешних врагов, позиционируемых как источник имеющихся трудностей (Советский Союз и современная Россия); настоящее хотят принудительно экспортировать в другие страны (идеи Французской буржуазной революции посредством наполеоновских войн, коммунистические идеи советской России посредством мировой революции, идеи либеральной западной демократии посредством технологий «цветных революций»).

Причины жизнеспособности политического мифа и его будущее. В научной литературе широкое распространение получила точка зрения, согласно которой в истории человечества последовательно сменили друг друга три картины мира и соответствующие им типы мировоззрения: мифологическое, религиозное, философское/научное. Современная реальность ставит под сомнение данную схему, поскольку в истории они не столько последовательно сменяли друг друга, сколько сосуществовали одновременно на том или ином этапе развития (за исключением первобытности), обладая разной степенью значимости, поэтому одной из возможных причин реанимирования мифологической картины мира, в рамках которой развивается политический миф, выступает кризис мировоззренческой основы. Миф компенсирует кризисные тенденции, порожденные более сложными и противоречивыми картинами мира, давая общности возможность почувствовать себя защищенной не только в эмоционально-психологическом плане, но и с точки зрения социально-политических перспектив [11]. Опорой политического мифа выступают архаические пласты человеческого сознания, для которых характерны бинарные оппозиции (прежде всего, «свой — чужой», «друг — враг»), предельно упрощающие и схематизирующие реальность, поэтому политический миф как социокультурный феномен разрушить нельзя.

Возможно разрушение лишь конкретного политического мифа. Политический миф разрушается не столько под влиянием рациональных факторов, сколько путем вытеснения одного политического мифа другим: развенчание жизненной практикой политического мифа приводит к социально-политическим потрясениям, которые порождают не столько рациональное осмысление произошедшего, сколько способствуют порождению нового политического мифа. Так разрушение советского политического мифа, сутью которого была идея сильного государства, выполняющего миссию построения совершенного мира во враждебном окружении, привело к возрождению (с определенными корректировками) российского имперского мифа, квинтэссенцией которого стала идея сильного государства как оплота справедливости и православной духовности, действующего в недружественной среде. Наиболее уязвима в политическом мифе та или иная политическая идеология, а жизнеспособно и долговечно — архетипическое начало. Ядро мифа, его матрица, остается незыблемой, все остальное зависит от политической конъюнктуры, подвержено изменениям в соответствии с целями и задачами, преследуемыми политическими мифотворцами. Так космополитический по содержанию созданный большевиками в первое революционное десятилетие политический миф о построении нового мира, никак не связанного с историческим прошлым страны, интернациональной пролетарской солидарности и мировой революции, утратил значение в годы Второй мировой войны, потребовавшей актуализации патриотической составляющей политического мифа. Результатом стала реабилитация знаковых событий и персонажей досоветской истории, появился новый политический миф, в котором начала доминировать идея социально-политического процесса, построенного на идее национально-патриотической преемственности вне классового контекста.

Как показало время, победа Логоса над мифом была в значительной степени иллюзорной. С одной стороны, рационально-иррациональная дуальность человека, а с другой — глубокая противоречивость социального бытия продемонстрировали невозможность полной победы рационального начала.

Политическая история человечества также скорее иррациональна, нежели разумна и упорядочена. Как следствие, детерминирующим фактором политической жизни были политические мифы различной степени одиозности, включая и наиболее чудовищные, насаждающие религиозную, расовую и классовую ненависть, нередко приводящие к геноциду.

Заключение. В современном мире роль и значение иррационального фактора значительно возрастает, и миф как способ понимания действительности падает на благодатную почву, пробуждая иррациональные стремления. Как следствие, политический миф имеет все основания для широкого распространения, а его действенность обусловлена лишь способностью современных мифотворцев презентовать и распространять его способом, актуальным для целевой аудитории.

Вышесказанное позволяет прийти к следующему выводу. Политический миф можно определить как иррациональный по содержанию, схематичный по форме, инструментальный по назначению, манипулятивный по характеру духовный конструкт, опирающийся на образное мышление, апеллирующий к эмоционально-волевой сфере общности, основой которого выступает симбиоз ее политических амбиций, спекуляций на пережитых социальных травмах, апологизации достижений прошлого и настоящего, чаяний и надежд, устремленных в будущее.

Литература

1. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 1990. — №2. — С. 58–69.
2. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М.: Академический проект, 2011. — 396 с.
3. *Cassirer E.* Myth of the State. — New York, 1955. — 272 p.
4. *Барт Р.* Мифологии. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2000. — 320 с.
5. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.
6. *Сорель Ж.* Размышления о насилии. — М.: Фаланстер, 2013. — 293 с.

7. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

8. *Михайлов Д. Н.* Политическая мифология: проблема определения структура и функции // Вестник ВГУ. Серия: Философия. — 2010. — №2. — С. 118–127.

9. *Кольев А.* Миф масс и магия вождей. — М.: Национальный институт развития, 2000. — 432 с.

10. *Штофер Л. Л.* Информационная война как радикальная форма политической борьбы // Гуманитарий Юга России. — 2018. — Т. 7. — №4. — С. 158–174.

11. *Козырева Т. В., Слободчикова В. А.* Дуалистичность политического мифа // Вестник Югорского государственного университета. — 2017. — №1 (44). — С. 72–76.

References

1. *Kassirer Je.* Tehnika sovremennyh politicheskikh mifov [Technique of modern political myths] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija [Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy]. — 1990. — №2. — Pp. 58–69.
2. *Moskovichi S.* Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass [Age of crowds. Historical treatise on mass psychology]. — Moscow: Akademicheskij proekt, 2011. — 396 p.
3. *Cassirer E.* Myth of the State. — New York, 1955. — 272 p.
4. *Bart R.* Mifologii [Mythology]. — Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 2000. — 320 p.
5. *Levi-Stross K.* Strukturnaja antropologija [Structural anthropology]. — Moscow: Izd-vo JeKSMO-Press, 2001. — 512 p.
6. *Sorel' Zh.* Razmyshlenija o nasilii [Reflections on violence]. — Moscow: Falanster, 2013. — 293 p.
7. *Berger P., Lukman T.* Social'noe konstruirovanie real'nosti [Social construction of reality]. — Moscow: Medium, 1995. — 323 p.
8. *Mihajlov D. N.* Politicheskaja mifologija: problema opredelenija struktura i funkcii // Vestnik VGU. Serija: Filosofija [Political mythology: the problem of determining the structure and function. Vestnik VSU. Series: Philosophy]. — 2010. — №2. — Pp. 118–127.
9. *Kol'ev A.* Mif mass i magija vohzdej [The myth of the masses and the magic of the lead-

ers]. — Moscow: Nacional'nyj institut razvitija, 2000. — 432 p.

10. *Shtofer L.L.* Informacionnaja vojna kak radikal'naja forma politicheskoj bor'by [Information war as a radical form of political struggle] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2018. — Vol. 7. — №4. — Pp.158–174.

11. *Kozyreva T.V., Slobodchikova V.A.* Dualistichnost' politicheskogo mifa [Duality of political myth] // Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Ugra state University]. — 2017. — №1 (44). — Pp. 72–76.

Поступила в редакцию

15 октября 2020 г.

Шевченко Ольга Михайловна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Специалист в области исследования этнополитических процессов, межэтнических отношений, национальной и духовной безопасности общества, культуры гражданственности. Стаж научной работы — 25 лет.

Shevchenko Olga Mikhaylovna — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. A specialist in the field of research on ethno-political processes, interethnic relations, national and spiritual security of society, civil practices. Scientific work experience is 25 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: omshevchenko@sfedu.ru

Штофер Людмила Львовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области исследования геополитических процессов, военной, экономической и информационной безопасности, духовного отчуждения, экологической культуры. Стаж научной работы — 23 года.

Shtofer Lyudmila Lvovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology, Rostov State Economic University (RINH). Specialist in the field of research of geopolitical processes, military and information security, spiritual alienation, ecological culture. Scientific work experience is 23 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: shtoferludmila@gmail.com
